

но вслѣдствіе отсутствія всякаго дѣла, всякой обязанности, цѣли и смысла. Впрочемъ, вскорѣ наступила реакція,—реакція противъ освобожденія крестьянъ, выразилась въ „*Войнѣ и Мирѣ*“ Толстого, этой поэмѣ, прославившей жизнь людей, никакого долга не знавшихъ, никакой службы не несшихъ и жившихъ на средства, которыя получались ими отъ помѣстій и крѣпостныхъ, данныхъ для службы, для выполнения долга,—жизнь людей, которымъ не надо было трудиться даже для снисканія себѣ пропитанія. Такимъ реакціонеромъ Толстой остался и до сихъ поръ, хотя и не сознавая *этого*. Можно сказать даже, что эта реакція противъ освобожденія крестьянъ и ненависть къ освободителямъ въ Толстомъ росла и теперь дошла до отрицанія всякой службы освободителямъ, т. е. до отрицанія податей и всякихъ повинностей.“ „Понятіе о самодержавіи, которое въ первоначальномъ смыслѣ есть обращеніе смертоносной силы въ средство оживленія и по которому всѣ были на службѣ, а царь былъ руководителемъ всѣхъ служивыхъ (т. е. находившихся на службѣ), по которому всѣ были призваны къ одному дѣлу, и царь вмѣстѣ съ народомъ былъ исполнителемъ дѣла Божія, царь и народъ служили Богу, такое понятіе о самодержавіи со времени Петра I-го и особенно Екатерины II-й, подъ вліяніемъ Запада—т. е. неферія въ будущность, подъ вліяніемъ признанія человѣка существомъ жалкимъ, *) осужденнымъ на кратковременное лишь существованіе, стало искажаться и превращаться въ такъ называемый просвѣщенный, гуманный деспотизмъ, который въ противоположность непросвѣщенному деспотизму восточныхъ монархій, считающему народъ рабомъ деспота, въ противоположность и московскому требованію службы *отъ встѣхъ*, объявлялъ себя слугою народа и ставилъ своею цѣлью не защиту могилъ, не заботу о мертвыхъ, а заботу о живыхъ, защиту женъ и дѣтей (постелей и колыбелей). Эта забота и выразилась прежде всего въ освобожденіи,—начиная съ дворянъ,—отъ обязательной службы, значенія которой понять не хотѣли. А между тѣмъ это освобожденіе лишало жизнь цѣли и смысла и обрекало Россію, какъ и весь родъ человѣческой, на несовершеннолѣтіе, не временное, а вѣчное, безвыходное. Заботясь о благосостояніи живущихъ, просвѣщенный деспотизмъ приводитъ тѣмъ не менѣе къ состоянію величайшей неудовлетворенности; тогда какъ самодержавіе, въ истинномъ смыслѣ, есть путь къ достиженію цѣли, совершеннолѣтія, и, не ставя своею цѣлью благосостоянія живущихъ, ведетъ ихъ къ несравненно большому благосостоянію, чѣмъ правительства, весь смыслъ свой поставляющія въ достиженіи одного только благосостоянія живущихъ. Самодержавіе, какъ христіанство, обѣщая блаженство лишь въ будущемъ, можетъ дать его уже въ настоящемъ.

Въ той же книгѣ („Фил. Общ. Дѣла“) на стр. 414—417 читаемъ: „Религія, воссоединяя знаніе и искусство въ Пасхѣ,—по христіански,—и даже въ культѣ умершихъ,—по язычески,—достигнетъ совершенства, дѣй-

*) Христіанскую любовь нельзя отождествлять съ *жаждостью*; христіанская любовь вѣрить въ великое назначеніе человѣка и имѣть цѣлью устранить самыя причины людскихъ бѣдствій, а не облегчать лишь страданія, которыя признаются неизбежными. Любовь обращается въ *жажду* только при отсутствіи всякой вѣры и надежды; и это не христіанство, не воскресеніе, а буддизмъ, который видитъ избавленіе отъ бѣдствій жизни только въ потерѣ жизни, т. е. въ нирванѣ.